

УДК 811.161.1'373:330.111.62

**ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА НОМИНАЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СОБСТВЕННОСТЬ»  
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ****Ю.С. ИВАНЧИКОВА***(Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины)  
ivanchikova\_yuliya@mail.ru*

*Рассматривается внутренняя форма номинаций со значением «собственность» в русском языке. Основой формирования у исследуемых лексем указанного значения служит исходная семантика этимологических корней, отражающая представления об индивидуальной принадлежности, о положении в пространстве относительно других составных частей целого, о наделении индивида чем-либо значимым, ценным. Семантика часто оказывается синкретичной и совмещает в себе модальную сему стремления и сему приложения силы, перемещения в пространстве по направлению к себе.*

**Ключевые слова:** внутренняя форма, мотивационная модель, лексико-семантическое поле, семантика, этимологический корень, собственность.

**Введение.** Одним из способов «хранения и трансляции культуры» [1, с. 2] является внутренняя форма слова. С точки зрения лингвокультурологического подхода, внутренняя форма рассматривается как результат осмысления человеком окружающего мира, отраженный в семантике лексемы. Л. Вайсгербер писал: «... язык скрывает в своей внутренней форме определенное миропонимание» [цит. по: 2, с. 400].

Термин «внутренняя форма слова» введен в XIX веке А.А. Потебней, опиравшимся на идеи В. фон Гумбольдта. В слове, по мнению ученого, мы должны различать «...внешнюю форму, т.е. членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, которым выражается содержание» [3, с. 136]. В.В. Виноградов, проследивший историю возникновения и формирования данного термина, отмечает, что внутренняя форма слова – это «образ, лежащий в основе значения и употребления слова» [4, с. 17–18]. Он существует только в контексте той материальной и духовной культуры, той языковой системы, в которой возникло данное слово. В понятии внутренней формы слова, таким образом, содержится «ряд идей о принципах познания человеком окружающего мира и себя самого в этом мире» [5, с. 116].

Исследование внутренней формы слова, установление мотивационной модели, по которой слово образовано, позволяет понять процесс мыслительной деятельности носителя языка, выявить механизм формирования смысла лексемы, поэтому «этимологизация во многом состоит в культурной реконструкции, т.е. не в простом отнесении слова к какому-то индоевропейскому корню, а в нахождении мотивации данного слова, созданного конкретным социумом» [6, р. 61].

Для реконструкции особый интерес представляют понятия, имеющие определенную культурную значимость. В жизни общества базовыми, основополагающими отношениями являются отношения собственности. Собственность представляет собой культурно значимый феномен, обнаруживающий общественный и личностный характер, взаимосвязь с другими культурными концептами. Отношения собственности входят в состав такой универсальной языковой категории, как посессивность [7, с. 44].

**Основная часть.** В лексико-семантическое поле со значением «собственность» в современном русском языке входят следующие лексемы: *добро, имущество; богатство, достаток, достояние, имение, капитал, наследие, наследство, отчина, сбережение, состояние, стяжание, благосостояние, средства (материальные), наличность, актив; движимость, инвентарь, пожитки, скарб, рухлядь, хлам, багаж* [8, с. 143]. Главной структурной особенностью лексико-семантического поля является наличие ядра, центра и периферии. В качестве ядра (гиперлексемы) исследуемого поля выступает номинация «собственность». Из представленного перечня, учитывая степень употребительности, семантические, функциональные и стилистические характеристики слов, мы выделили центр поля, который составляют следующие номинации, имеющие сему «собственность» в составе концептуального ядра значения: *имущество, владение, богатство, добро, состояние*. В статье не рассматриваются слова, входящие в периферию поля, к которой относятся слова ограниченного функционального употребления, стилистически сниженные и просторечные. Во-первых, в центр поля мы не включаем слова, которые называют *собственностью*, не представляющую материальной ценности для владельца, например *рухлядь* ‘пришедшие в ветхость вещи’ [9, т. 12, с. 1590–1591], *хлам* ‘негодные, старые вещи’ [9, т. 17, с. 168–169]. Во-вторых, слова стилистически сниженные, нечастотные (*скарб* разг. ‘домашние вещи, имущество’ [9, т. 13, с. 898]) и относящиеся к пассивному лексическому фонду: *отчина, вотчина* устар., ист. ‘родовое имение, владение помещиков, переходившее по наследству от отца к детям XII–XVIII вв.’ [9, т. 2, с. 748–749], *стяжание*

устар. 'то, что добыто, приобретено; имущество' [9, т. 14, с. 1128]. В-третьих, мы считаем, что в центр поля не входят слова, в семантике которых содержится указание на какой-то определенный, «ограниченный» вид собственности: *капитал* 'сумма денег' [9, т. 5, с. 773–774], *сбережение* 'накопленная сумма денег' [9, т. 13, с. 217–218], *средства* 'деньги, капитал' [9, т. 14, с. 645–647], *наличность* 'фактическое количество чего-либо', перен. о деньгах [9, т. 7, с. 313], *актив* 'платежные поступления, доходы' [9, т. 1, с. 84], *движимость* спец. 'движимое имущество' [10, с. 153], *багаж* 'вещи пассажиров, уложенные в узлы, мешки для перевозки' [9, т. 1, с. 236–237]. Отдельного комментария требуют номинации *наследие* (устар.) и *наследство* 'имущество, переходящее после смерти его владельца новому лицу' [9, т. 7, с. 503; с. 507–508]. *Наследство* предполагает обладание и пользование собственностью, полученной определенным образом. Способ получения, а именно пассивное участие «получателя», определяет то, что по *наследству* может перейти не только ценное имущество, но и старые, ненужные вещи, а также долги. Указанные особенности семантики данных слов также препятствуют их включению в центр поля.

В русском языке слово «собственность» является поздним образованием. Несмотря на то, что представления о собственности, деление на свое и чужое, «понятие о моем и твоём, определяемое самой жизнью и ее экономическими условиями» [11, с. 1] существовали еще в первобытном обществе, ни в древнерусских, ни в великорусских памятниках письменности слово не зафиксировано. Как юридический термин существительное «собственность» впервые встречается в «Наказе генерал-прокурору» (1767) Екатерины II. До тех пор для выражения данного понятия использовались слова *собина*, *владение*, *отчина*, *имение* и др. [12, с. 35].

В толковании существительного «собственность» 'что собственно, по праву, бесспорно кому-то принадлежит', предложенном в «Словаре Академии Российской» (1794) [13, т. 5, с. 399], образуя сложное семантическое единство, отражены два взаимосвязанных понятия: 'принадлежность' и 'право владеть чем-либо'. Современные словари структурируют семантику слова несколько иначе, чем это было сделано в ранних лексикографических источниках, и подают его как многозначное. Два указанных центральных семантических компонента современными лексикографами положены в основу двух отдельных значений: 1) 'то, что находится во владении, в полном распоряжении; имущество, принадлежащее кому-либо'; 2) 'право владеть, распоряжаться кем-, чем-либо; принадлежность с правом полного распоряжения' [9, т. 14, с. 49–50].

Существительное *собственность* входит в этимологическое гнездо с местоименным корнем *\*seb-//\*sob-*, являющимся продолжением индоевропейского корня *\*sue-//\*syo-*. Индоевропейские темы *\*se-*, *\*so-*, *\*seue-*, *\*sue-*, *\*syo-* зафиксированы в греческом *ἑός* со значением 'свой', санскр. *svas* 'собственный', *svayam* 'сам' [14, т. 2, с. 267–268]; значение этой основы – 'принадлежащий кому-либо' [15, с. 342]. Индоевропейская основа *\*s(ue)-bh(o)-*: *\*syo-bho-*, та же, что в «...о-с. возвратном местоимении *\*sebē*, *\*sobojo*, в рус. *особа*, *особь*» [16, т. 2, с. 183]. К местоименному корню *\*seb-//\*sob-* восходит др.-рус. глагол *собити* 'присваивать, приобретать', который, в свою очередь, явился базой для образования целого ряда производных (различных ступеней образования): др.-рус. *собина* 'собственность, имущество' [17, т. 3, с. 455], *собьство* 'собственность' [18, т. 26, с. 15], *собьствовати* 'усвоить' [17, т. 3, с. 455–457], *собинный* 'собственный' [18, т. 26, с. 15]. Древнерусскому языку и русским диалектам известны производные разных ступеней образования от существительного *собь* 'все свое имущество,ivotы, пожитки, богатство' [19, т. 4, с. 342]: *собейный*, *собенный* 'свой, собственный' [18, т. 26, с. 13], диал. *собенник*, *собеник*, *собинник*, *собиник* 'владелец чего-либо, собственник'; *собский*, *собской* 'свой, собственный' [19, т. 4, с. 338].

Диалектные существительные *собь*, *собина*, распространенные в русских говорах, детально описывают объекты, которыми может владеть человек: 'животы, пожитки, нажитки, достояние; скот'; 'приданое' (перм.); 'приплодный, вскормленный дома теленок' (вят.); 'присевок, польце, засеянное на чье-либо счастье' (костр.) [19, т. 4, с. 336; 342]. Неудивительно, что прозвище *Собь*, *Собиня* нередко давали зажиточному, богатому человеку, имевшему большое количество скота, земель.

Таким образом, номинация *собственность* восходит к этимологическому корню *\*seb-//\*sob-*, являющемуся продолжением и.-е. корня *\*sue-//\*syo-* со значением 'свой'. В семантике индоевропейского корня отражена идея выделения, обособления чего-либо в ряду однородных предметов и вместе с тем включенности в некую общность. Семантика индоевропейского корня, содержащая указание на признак предмета по его принадлежности, предопределила формирование в рефlekсах местоименного корня *\*seb-//\*sob-* семантического направления «собственность». Концептуализация собственности в русском языковом сознании связана с понятием «власть», так как собственность – это установленное законом право владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственность – это юридически оформленная власть собственника над принадлежащей ему вещью.

В древнерусский период основное значение лексических дублетов ц.-сл. *владѣникъ*, др.-рус. *володѣникъ*, продолжающих семантику глаголов *владѣти* и, соответственно, *володѣти*, включало понятие права, возможности распоряжаться и пользоваться чем-либо (*владѣникъ государствомъ*, *владѣникъ недвижимымъ имѣниемъ*) [20, т. 1, с. 132]. Со временем существительное *владѣникъ* начинает обозначать

землю, на которую распространяется чья-либо власть [18, т. 2, с. 209]. Глагол *владеть* восходит к праслав. *\*volděti* ‘владеть’ [16, т. 1, с. 156–157] (сравн. заимствованное из ст.-сл. в др.-р. *владѣ* ‘владение’ [17, т. 1, с. 267]). Обнаруживаются многочисленные соответствия в различных языках: польск. устар. *włodarz* ‘староста’, *włada*, как и чеш. *vlada* ‘власть, руководство’, лит. *valdyti* ‘владеть’, *valdà* ‘владение’, *valdžia* ‘власть’; латыш. *pārvaldīt* ‘управлять’, *valsts* ‘государство’; гот. *waldan* ‘управлять’; др.-в.-нем. *waltan* ‘управлять’, др.-исл. *valda* ‘причинять, владеть’ [16, т. 1, с. 156–157]; др.-прусс. *walduns*, *weldūns* ‘наследник’, *weldisnan* ‘наследство’, др.-лит. *pavilsti* ‘унаследовать’, *pavildėti* ‘владеть’, латышск. *vāldīt*, готск. *waldan* ‘править’, далее, греч. *ἀλίσκομαι*, *ἀλωτός*, *ἐλεῖν*, др.-ирл. *flaith* ‘господство’, др.-кимрск. *gualart* ‘глава, повелитель’ [21, т. 1, с. 327].

Таким образом, производные от праславянского корня *\*vold-* обнаруживают тесную взаимосвязь семантических компонентов ‘осуществлять право собственности в отношении чего-либо’, ‘обладать’, ‘управлять’. Взаимозависимость понятий ‘собственность’ и ‘власть’ находит подтверждение и в диалектном лексическом материале: *властный* ‘собственный’, *владеть* ‘иметь в своей собственности’, *владение* ‘полное право собственности’, ‘недвижимое имение’, *владетель*, *володарь*, *владца*, *волостель* ‘помещик, у которого есть недвижимое имущество’ [19, т. 1, с. 522].

Праславянская основа *\*vold-* восходит к и.-е. корню *\*ual-d(h)-*, семантика которого реконструируется как ‘иметь силу’, ‘быть сильным’, ‘хотеть; напирать, давить’ [16, т. 1, с. 157], т.е. отличается синкретичностью. Семантическое направление ‘желать, хотеть’, по-видимому, является первичным, так как оно характерно для праславянского корня, имевшего исходную форму *\*vel-/\*vol-* без распространителя в виде детерминатива, а наличие семы активного, целенаправленного физического воздействия (сравн. *\*ual-* ‘напирать, давить’), без сомнения, обусловлено семой ярко выраженного, превалирующего желания добиться чего-либо. Семантическое направление ‘хотеть’ нашло отражение в производных прасл. корня *\*vel-/\*vol-*: *велеть*, *воля* и др. [22, с. 51–52; 23, т. 1, с. 135–136].

Таким образом, в основе формирования понятия ‘владение’ лежит синкретичный признак, совмещающий представление о применении силы с модальной семантикой желательности. На основе этого формируется семантика ‘господствовать’, ‘властвовать’, т.е. осуществлять свое желание, применяя силу. Посредством использования силы субъект становится владельцем, собственником чего-либо.

Одной из основных вербальных единиц, в которых актуализировано значение ‘собственность’, является номинация *имущество* – ‘то, что находится в чем-либо владении на правах собственности’ [9, т. 5, с. 319]. В памятниках древнерусской письменности лексема *имущество* не зафиксирована и отмечается в словарях только с XVIII в. со значениями ‘то, чем владеет человек; собственность, имение’, ‘доход, богатство’, ‘владение’ [24, т. 9, с. 87].

В древнерусский период, начиная с XI в., в качестве лексической единицы, указывающей на объект обладания, выступает существительное *имѣние* ‘состояние, имущество; богатство; плата; приобретение, захват’, суффиксальный дериват от глагола *имѣти*. Семантика древнерусской лексемы *имѣние* связана, прежде всего, с общим наименованием имущества, собственности, с обозначением богатства. Кроме указанной семантики, отмечаются значения ‘добыча’, ‘мзда’, ‘захват’ [17, т. 1, с. 1094–1095], отражающие способ приобретения собственности, а также значения ‘деньги, вещи и земли, принадлежащие одному или нескольким лицам одного семейства’ [20, т. 2, с. 131], ‘имение, земельное владение’ [18, т. 6, с. 226–227], конкретизирующие объект собственности. В дальнейшем семантическая структура слова претерпевает изменения и основным его значением становится ‘помещичье земельное владение, обычно с усадьбой; поместье’ [9, т. 5, с. 292–293]. Значение ‘имущество’ лексема *имение* сохраняет в диалектах русского языка.

Лексемы *имущество* и *имение* входят в гнездо, вершиной которого является древнерусский глагол *имѣти*, восходящий к праславянскому *\*jьměti* ‘иметь’. Праславянский глагол *\*jьměti* продолжает индоевропейский корень *\*em-* со значением ‘брать, хватать’, которое обнаруживают продолжения в других славянских языках: слов. *iměti*, чеш. *mítí*, полаб. *met*, польск. *mieć*, словин. *mjies*, укр. *iměti*, блр. *мець* ‘иметь’, сербохорв. диал. *jimiti* ‘хватать’, ст.-укр. *имити* ‘поймать, схватить’, диал. укр. *імєти* ‘поймать, схватить’ [25, т. 8, с. 226–227].

Таким образом, номинация *имущество* восходит к этимологическому и.-е. корню *\*em-* ‘брать’, семантика которого связана с идеей приобретения чего-либо в свое владение, свою собственность. Семантическое направление ‘приобретать, делать своей собственностью’ возникло на базе семантики ‘перемещение объекта по направлению к себе’, заключенной в этимологическом корне *\*em-* ‘брать’. Глагол *брать*, наряду с глаголами *взять*, *принять*, *принимать*, содержит каузативную сему, указывающую на причину возникновения посессивных отношений – приобщение объекта к сфере субъекта, тогда как глаголы *иметь*, *владеть* указывают на процесс обладания объектом.

Совокупность объектов собственности в современном русском литературном языке наряду с номинацией *имущество* определяется номинацией *состояние* ‘имущественное положение, имущество, капитал, собственность’ [26, т. 4, с. 209]. Семантические отношения между *состояние* ‘нахождение, пре-

бывание, положение' и *состояние* 'имущественное положение, капитал, собственность' современными лексикографическими источниками трактуются неоднозначно: то как полисемантические [9, т. 14, с. 382–384; 10, с. 751; 26, т. 4, с. 209], то как омонимические [27, т. 2, с. 148]. Основанием для рассмотрения этих слов как омонимов А.Н. Тихонов считает их различную морфемную членимость в разных значениях: *состояние* в значении 'нахождение, пребывание, положение' – имя существительное с морфом *-ниѣ*, образованное на базе непроизводного глагола *состоять*; *состояние* 'имущественное положение, капитал, собственность' – непроизводная лексема [27, т. 2, с. 148], корневая морфема которой в синхронии не осознается носителями языка в качестве однокорневой с глаголом *состоять* 'быть составленным из кого-, чего-либо; заключать в себе; иметь своим содержанием что-либо; быть в составе, являться членом; находиться в каком-либо состоянии, положении' [26, т. 4, с. 209].

Многие исследователи рассматривают глагол *состоять* как кальку с немецкого *bestehen* 'состоять', где *bes* – 'со', *stehen* – 'стоять' [28; 29], или греч. συνίσταται 'состоять из' [21; 22; 23] и относят этот процесс к XIX в. В то же время глагол *состояти*, как и существительное *состояние*, фиксируется в памятниках древнерусской письменности (начиная с XI в.) [18, т. 26, с. 216–218]. Формально глагол связан с о.-с. *\*stojati*, восходящим к и.-е. основе *\*sta-*, для которой возможно реконструировать значение 'стоять' [30].

Существительное *состояние* (*състояние*) известно с XI века. Семантика существительного формировалась в соответствии с семантикой заимствованного старославянского многозначного глагола *состояти* 'быть, существовать', 'состоять, заключаться в чем-нибудь; составлять из чего-нибудь', 'стоять' [18, т. 28, с. 110–111; с. 339]. В ст.-сл. языке лексема *состояние* функционировала со значением 'устойчивость, настойчивость' [31, с. 669], 'стабильное положение' [32, с. 334], что отражает семантическую и деривационную связь с глаголом *стояти* 'находиться в вертикальном положении', 'оставаться неподвижным' [18, т. 28, с. 110–111]. Значение 'имущество' у существительного *состояние* более позднее.

Несоотнесенность глагола *состоять* и существительного *состояние* на синхронном срезе объясняется тем, что в семантической структуре глагола *состоять* отсутствует прямое указание на 'имущественный компонент', который является базовым в семантике существительного. Формирование значения 'имущество' в существительном *состояние* может быть объяснено двояко:

1) рассмотрение семантического наполнения многозначной лексемы *состояние* обнаруживает явление семантической деривации, которое выразилось в метонимическом переносе, где лексико-семантический вариант *состояние* 'имущественное положение, собственность' возникает как обозначение объекта, результирующего действие, названное глаголом *состоять*: *состояние* 'имущественное положение' – то, что *состоит*, складывается из отдельных объектов, представляющих материальную ценность. Такого рода семантическая связь является регулярной, что подтверждают такие словообразовательные пары: *решить* – *решение*, *строить* – *строение* и т.п.;

2) в основе формирования данного значения может лежать метафорический перенос 'положение в пространстве' > 'положение в обществе, звание, сословие'. На основе значения 'положение в обществе, звание, сословие' метонимически развиваются значения 'имущественное положение' > 'имущество'.

В целом, необходимо указать на то, что исходное пространственное значение этимологического корня обусловило формирование в семантике рефлексов положительных оценочных коннотаций [33], связанной с наличием собственности: *состояние* 'богатство, имущество', *состоятельный* 'богатый, зажиточный'.

Прилагательное *состоятельный* исторически является производным с суффиксом *-тельн-* от глагола *состоять* и первоначально имело значение 'характеризующий отношением к действию, названному мотивирующим словом'. Такая словообразовательная модель «глагол → отглагольное прилагательное» достаточно продуктивна, сравн. *влиять* → *влиятельный*, *желать* → *желательный*, *настоять* → *настоятельный*, *вещать* → *вещательный* и др.

Процесс опрощения прилагательного *состоятельный* 'материально обеспеченный, с состоянием', 'обоснованный, убедительный' [9, т. 14, с. 384–385], заключающийся «в затемнении первоначальной семантической структуры слова вследствие стирания морфологических границ между его компонентами» [34, с. 349], произошел в результате изменения семантических отношений между словами. Первоначально семантика лексемы *состоятельный* имела процессуальный, причастный характер, который в дальнейшем был утрачен в связи с тенденцией развития качественного значения. Производящее и производное были переосмыслены носителями языка и семантически отделились настолько, что это привело к распаду мотивационных отношений. Несмотря на то, что в современном русском литературном языке внутренняя форма прилагательного *состоятельный* затемнена и оно фиксируется как непроизводное, в семантике содержится указание на наличие у субъекта денежных средств – тем самым обнаруживается семантическая связь с исторически родственным отглагольным именем. Таким образом, в основе формирования значения 'имущество, собственность' у рефлексов этимологического корня *\*sta-* лежит мотивационная модель: 'местоположение в пространстве' > 'социально-экономическая структура общества'.

Лексема *богатство* определяется как ‘большое личное имущество; особо ценный предмет в чем-либо имуществе; роскошь, великолепие, пышность’, ‘множество, обилие; многосторонность, разнообразие’, *богатства* мн.ч. – ‘ценности (в применении к естественным материальным ценностям земли: недр, растениям, животным и т.п., имеющимся в данной стране, области)’ [9, т. 1, с. 531–534]. Отождествление носителями русского языка слов *богатство*, *богатый* со словом *Бог*, осознаваемым в качестве основы наименования, имеет под собой достаточные этимологические основания. Данные лексические единицы являются продолжениями и.-е. корня *\*bhagh-*, имевшего значение ‘наделять, раздавать’ [16, т. 1, с. 98], ‘кормить’ [14, т. 1, с. 33]. Праславянская полисемантическая лексема *\*bogъ* первоначально означала ‘податель блага, даритель участи, ниспосылающий благодать’, ‘назначенная часть, доля, участь, удел, свое счастье, благодать’ [23, т. 1, с. 69]. «Оделяющая» функция бога подчеркивается в различных фразеологических сочетаниях и пословицах: *бог век дал* ‘такова судьба, так суждено’, *бог дал* ‘о свершении действия, события’, *бог дал – бог взял* ‘утешение или выражение смирения при утрате’, *где бог пошлет* ‘там, где придется, где случится’, *дай бог* ‘пожелание добра и успеха’ и др. [35, с. 45–46]. На базе семантики ‘податель благ’ в слове развилось вторичное религиозное значение ‘верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ’ [26, т. 1, с. 101]. В др.-перс. *baga-* и ст.-сл. *богъ* отражено представление о боге как о ‘богатом’ (сравн. *оу-богъ* ‘бедный’) [25, т. 2, с. 161].

В основе внутренней формы лексемы *богатство* лежит представление о наделении, предоставлении возможности пользоваться чем-либо, одарении какими-либо материальными благами. Понятие ‘материальные блага’ формируется в преломлении к понятиям ‘даритель’ – ‘обладатель’, так как только разумное существо может оценить что-либо материальное как имеющее ценность. Можно говорить о том, что формирование семантики ‘собственность’ в рефлексх корня *\*bog-* также происходило на основе понятия ‘перемещение объекта в пространстве’. Семантика глаголов *дать*, *раздать*, *наделить* связана с сознательным отчуждением объекта с целью передачи его другому лицу. Таким образом, в основе внутренней формы рассматриваемой номинации лежит представление о *собственности* не как о чем-то присвоенном, приобретенном или захваченном (сравн. *имение*), а как о полученном свыше.

Лексема *добро* является «самым древним словом, косвенно обозначавшим материальный достаток в семье, имущество вообще» [36, с. 211]. В древнерусский период понятие, выраженное существительным *добро* (субстантиватор прилагательного среднего рода *добро*), трактовалось и как абстрактное: ‘все хорошее, доброе, честное, благопристойное; счастье’, ‘хороший, добрый поступок’ и как ‘материальное»: ‘имущество, богатство’, ‘товар’ [18, т. 4, с. 258]. Такое же лексическое наполнение слова наблюдается и в современном языке: ‘все то, что благо, хорошо, благопристойно, честно, полезно: противопоставляется злу’ [13, т. 2, с. 700], ‘все положительное, хорошее, противоположное злу’ [9, т. 3, с. 840–841; 26, т. 1, с. 409] и конкретное, вещественное ‘имущество, состоящее из платья и других вещей’ [13, т. 2, с. 700], ‘имущество, вещи, пожитки’ [9, т. 3, с. 840–841; 26, т. 1, с. 409]. Таким образом, в рассматриваемом существительном наблюдается совмещение абстрактного, философского и вещественного значений.

В современном русском литературном языке лексико-семантический вариант существительного *добро* ‘имущество’ подается с пометой разговорное. «В настоящее время невозможно представить себе слово *добро* в тексте Уголовного кодекса или правительственного документа (сравн., однако, юридическое определение того, что такое разбой, в документе XVIII века: *Разбой... состоит в похищении добра у человека, да только явным и наглым образом*)» [37, с. 83].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля значение ‘имущество’ отмечено в качестве основного: *добро* ‘все *доброе*, имущество или достаток, стяжание, добришко, движимость’: *Все добро или доброе мое пропало; У них пропасть добра по сундукам; Всякое добро прах* [19, т. 1, с. 1099–1106]. Многочисленные производные от корня *добр-*, утраченные современным русским литературным языком, но продолжающие свое существование в диалектах, обнаруживают связь с понятиями ‘имущество’ и ‘достаток’: *добрость*, *добротечко* ‘подарок, делаемый женихом невесте’ [38, т. 8, с. 77], *добрывать* ‘жить в достатке’ [39, т. 3, с. 231], *добрело* ‘ценности, драгоценные камни’ [40, с. 65], *добрядни* ‘благополучное житье, достаток, довольство’ [41, 105]. Сама же лексема *добро* в диалектах русского языка содержательно конкретизирует объекты собственности: *добро* ‘платье, одежда’, ‘приданое невесты’ [38, т. 8, с. 76], ‘масло, жир’ [39, т. 3, с. 231], а также входит в состав связанных сочетаний, отражающих способ приобретения имущества: *свое добро* ‘нажитое своим трудом’, *погромное добро* ‘вещи, домашний скот, захваченные у противника’ [42, с. 61].

Лексема *добро* имеет индоевропейское происхождение: праславянский корень *\*dob-* является рефлексом и.-е. корня *\*dhabh-* с реконструированным значением ‘соответствовать, подходить, быть удобным’ [25, т. 5, с. 45–46; 14, т. 1, с. 187; 16, т. 1, 258], в связи с чем представляется возможным восстановить семантику общеславянского прилагательного *\*dobrъ* как ‘годный, подходящий’, сравн. болг. *добър* ‘хороший’, ‘добрый’, сербохорв. *добар* ‘хороший’, словен. *dóber* ‘хороший’, ‘порядочный, немалый’, чеш. *dobrý* ‘хороший’, ‘добрый’, ‘добропорядочный’, диал. *dobrej* ‘подходящий’, н.-луж. *dobry* ‘добрый,



приятный' [25, т. 5, с. 45–46]. Вероятно, первоначально в лексеме *добрый* было заключено «материальное» значение – ‘хороший во всех отношениях, удобный при использовании, полезный’, а абстрактное значение ‘добрый, милосердный’ возникло несколько позже [16, т. 1, с. 258]. Формирование значения *добро* “собственность” происходит по модели ‘пригодный, хороший’ > ‘ценный’, этот признак в первую очередь характерен для материальных предметов.

**Заключение.** Понятие «собственность» в современном русском языке находит выражение в целом ряде номинаций, образующих соответствующее лексико-семантическое поле. В качестве ядра (гиперлексемы) исследуемого лексико-семантического поля выступает номинация *собственность*. Центр поля составляют такие номинации, как *имущество, владение, богатство, добро, состояние*. Этимологические корни, к которым восходят указанные номинации, отличаются синкретизмом, диффузностью, обладают целым комплексом значений.

Внутренняя форма номинаций, входящих в лексико-семантическое поле с ядерным значением «собственность», в большинстве характеризуется высокой степенью близости: исконная этимологическая семантика рассматриваемых корней основывается на представлениях об индивидуальной принадлежности, о положении в пространстве в соотношении с другими составными частями целого, наделении индивида чем-либо значимым, ценным; часто оказывается синкретичной, совмещающей в себе модальную сему стремления и сему приложения силы, перемещения в пространстве по направлению к себе. В качестве действующего субъекта выступает отдельное лицо (любое я), которое только и способно осознать необходимость и ценность присвоения.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Зими́на, Е.А. Роль внутренней формы слова в трансляции культуры (на материале фразеологизмов английского языка) / Е.А. Зими́на // Огарёв-Online. – 2014. – № 20 (34). – С. 1–6.
2. Панченко, В.А. Вильгельм фон Гумбольдт. Внутренняя форма языка как отражение самобытности этнической культуры / В.А. Панченко // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 124. – С. 396–401.
3. Потебня, А.А. Поэзия. Проза. Ступени мысли / А.А. Потебня // Полное собрание сочинений / под ред. комитета по изданию сочинений А.А. Потебни при всеукраинской АН. – 5-е изд. – К. : Гос. изд-во Украины, 1926. – Т. 1 : Мысль и язык. – С. 134–173.
4. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
5. Фурашова, Н.В. О роли внутренней формы слова в дальнейшем развитии его значения / Н.В. Фурашова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 116–123.
6. Sani, S. Etimologie indiane e etimologie degli indiani / S. Sani // Fare etimologia. Passato, presente e futuro nella etimologia: Atti del Convegno, Università per stranieri di Siena, Roma, 2–3 ottobre, 1998. – Roma: Il Calamo, 2001. – P. 57–69.
7. Бабаева, Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков) : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.20 / Е.В. Бабаева. – Волгоград, 1997. – 210 с.
8. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – М. : Русские словари, 1999. – 431 с.
9. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В.И. Чернышев [и др.]. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965.
10. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Российская АН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
11. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права : в 3 ч. / К.П. Победоносцев. – М. : Статут, 2002. – Ч. 1 : Вотчинные права. – 800 с.
12. Володина, Л.О. Истоки зарождения ценностного потенциала семейного воспитания в России / Л.О. Володина // Ценностный потенциал семейного воспитания в России / Л.О. Володина. – North Carolina, USA: Lulu Press, 2012. – С. 12–42.
13. Словарь Академии Российской : в 6 ч. / Императорская АН. – СПб. : Изд-во Императорской АН, 1789–1794. (Репринтное издание / М., 2014).
14. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. / сост. А.Г. Преображенский. – М.–СПб. : АН СССР, 1910–1914, 1949.
15. Мейе, А. Имя. Личные местоимения / А. Мейе // Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / отв. ред. Р. Шор. – М.–Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1938 – С. 264–359.
16. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. – М. : Русский язык, 1999.
17. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб. : Императорская АН, 1893–1912. (Репринтное издание / М. : Книга, 1958).
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Р.И. Аванесов, В.Б. Крысько. – Вып. 1–30. – М. : Наука, 1975–2015.
19. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль ; под ред. проф. Бодуэна-де-Куртене. – 3-е изд. – СПб. – М. : Т-во М.О. Вольф, 1903–1909. (Репринтное издание / М. : Цитадель, 1998).

20. Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4 т. / сост. 2-е отд-е Императорской АН. – СПб. : Типография императорской АН, 1847. (Репринтное издание / М.: Литература, 1995).
21. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987.
22. Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г.П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К. : Рад. шк., 1989. – 511 с.
23. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А.К. Шапошников. – М., 2010.
24. Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю.С. Сорокин. – Вып. 1–19. – СПб. : Наука, 1984–2011.
25. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / О.Н. Трубачев, А.Ф. Журавлев. – Вып. 1–38. – М., 1974–2012.
26. Словарь русского языка : в 4 т. / А.П. Евгеньева. – 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1985–1988.
27. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А.Н. Тихонов. – 2-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1990.
28. Этимологический словарь русского языка / сост. Г.А. Крылов. – СПб. : ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.
29. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская ; под ред. С.Г. Бархударова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
30. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Worterbuch : in 2 Bd. / J. Pokorny. – Bern : Francke Verl. Bern und Munchen, 1949–1959.
31. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М. : Русский язык, 1994. – 842 с.
32. Седакова, О.А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю / О.А. Седакова. – М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. – 432 с.
33. Тимошенко, Е.И. Типология семантической эволюции этимологических корней со значением 'располагать в пространстве' (на материале русского языка) / Е.И. Тимошенко // Вестник МГПУ им. И.П. Шамякина. – 2012. – № 2 (35). – С. 150–155.
34. Виноградов, В.А. Опрошение / В.А. Виноградов // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е (репринт.) изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 349.
35. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
36. Колесов, В.В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. / В.В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – Кн. 3 : Бытие и быт. – 400 с.
37. Хоанг, В.Т. Слова добро, добрый в русской языковой картине мира / В.Т. Хоанг // Русский язык в школе. – 2008. – № 5. – С. 82–84.
38. Словарь русских народных говоров / Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Вып. 1–45. – СПб. : Наука, 1965–2012.
39. Словарь говоров Русского Севера : в 6 т. / под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург, 2001–2014.
40. Сердюкова, О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев / О.К. Сердюкова, В.И. Дегтярев. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2005. – 320 с.
41. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / И.А. Оссоветский. – М. : Наука, 1969. – 616 с.
42. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск : Наука, 1983. – 232 с.

Поступила 06.06.2018

## INNER FORM OF NOMINATIONS WITH THE MEANING 'PROPERTY' IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Y. IVANCHYKAVA

*The article is devoted to revealing the inner form of nominations with the meaning 'property' in the Russian language. The basis for the formation of the semantic direction in the studied lexemes is the initial semantics of the etymological roots, reflecting the ideas of individual belonging, the position in space relative to the other constituent parts of the whole, and the allotment of the individual to something meaningful and valuable. Semantics often turns out to be syncretic and combines in itself the modalism of the aspirations and semes of applying force, moving in space towards oneself.*

**Keywords:** inner form, motivational model, lexico-semantic field, semantics, etymological root, property.